

MODERN PROSE

ЧИТАЙТЕ КНИГИ АНАТОЛИЯ МАЛКИНА:

МЫС ЖЕЛАНИЯ

ВДРУГ СЕРДЦЕ НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ

ИГРА В ТЕЛЕВИДЕНИЕ

АНАТОЛИЙ МАЛКИН

**ИГРА
В ТЕЛЕВИДЕНИЕ**

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
М19

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберуим»

Миссия «Флоберуима» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Малкин, А.

М19 Игра в телевидение / А. Малкин. — М.: Флоберуим / RU-GRAM, 2025. — 324 с. — (Modern Prose).

Это необычная книга — соединяет в себе художественную прозу и нон-фикшн. Повесть «Жизнь, потраченная на жизнь» — о тернистом пути человека. Мемуары «Игра в телевидение» — о сложном пути отечественного телевидения в 1990-е годы. И в том, и в другом жанре изображен кардинальный поворот судьбы. Он обусловлен не только историческим временем, но и новым типом людей, словно подкинутых Богом в мир для эксперимента. Удался ли он — судить читателям.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-12241-4

© А. Малкин, текст, 2025
© А. Кудрявцев, дизайн обложки, 2020
© ООО «Флоберуим», 2025
© RUGRAM, 2025

**ЖИЗНЬ,
ПОТРАЧЕННАЯ
НА ЖИЗНЬ**

*Всего опасаясь,
но ничего не боюсь.*

Из глубины сна выплывали разделенные равномерными интервалами слова: пить-пять, пить-пять, пять, пять-пять-пять-пять. Что пять? Зачем пять?

Ему настойчиво напоминали про что-то важное.

— Пять часов, что ли? Five P.M. по-английски. Смешно во сне заниматься языком.

С первого этажа донесся бой старательных напольных часов.

— Вот и все, сон по боку, пожалте жить.

Глаза открылись сами собой, уперлись в темноту деревянного потолка, и он сразу вспомнил, что завтра, к пяти часам утра, ему стукнет полтинник.

* * *

Первое время после расставания он мог спать только на третьем этаже, на скрипучей старенькой тахте: никак не мог заставить себя войти в спальню. Годы совместной жизни так изменили мир вокруг него, его привычки, привязанности, желания и мечты, что, когда жена ушла, у него началась ломка.

И однажды, после хорошей выпивки, ноги сами отвели его в спальню, на привычное место. Проснув-

шись там утром, он вдруг понял, что больше не тревожится из-за того, что не слышит дыхания рядом, не боится повернуться и не увидеть ее родное лицо, которое так красиво оттеняли на белом полотне разметавшиеся золотистые волосы.

И вот от этого открытия стало ему тоскливо.

* * *

Еще вспомнил, что домоуправительница Демидовна в отпуске, и не стоило дожидаться, когда снизу позвонят спускаться к завтраку, что не будет сегодня горячих сочных творожников или любимых картофельных драников.

И он сам решил остаться один, до самого того момента, когда пятьдесят лет назад родился мальчик Глеб.

И точно знал, почему этого захотел.

Накинув халат и ощущая босыми ногами холод остывшего за ночь пола, он отыскал тапочки, одна из которых лежала почему-то аж на лестнице, в ванной сполоснул ледяной водой лицо, спустился на первый этаж и, потыкавшись в холодильник, соорудил яичницу из десятка мелких перепелиных яиц вперемешку с ярко-красными мелкими помидорами. Вычистив куском булки дно сковородки, закурил первую утреннюю сигарету, дожидаясь от сверкающей никелем заграничной кофе-машины крепкого кофе; он никак не мог понять, почему в любой итальянской забегаловке из похожего агрегата выходил ароматный и вкусный напиток, а дома такой же кофе получался невкусным.

Потом в полной тишине и одиночестве побродил по дому...

Выполненный по эскизам жены, просторный, деревянный, по-хорошему уютный, безо всяких глупых на природе белых поверхностей, дом был уже несколько дней заставлен фотографиями. Их было великое множество, больших и маленьких, в поблескивающих тусклым никелем металлических рамках. Они стояли вдоль стен комнат и коридоров, шеренгами поднимались по ступенькам лестниц, от нижнего зимнего сада до третьего этажа, лежали на подоконниках на раздвинутом полностью обеденном круглом столе, диванах, креслах и стульях.

Выставка, которую он придумал, была собрана, и порядок движения задан: она начиналась на третьем этаже с фотографии Ольги, которая сидела в лодке с огромной рыбиной в руках. От нее надо было спуститься вниз и дойти до портрета Сереги, где он в окровавленной рубашке лежал на каменистом берегу горной речки. А на первом этаже выставка заканчивалась большой фотографией Инги — он сделал этот, как оказалось, прощальный снимок на вокзале, когда его поезд уже отходил от платформы...

Возился с архивом долго, от снимка к снимку, тщательно выбирая из него то, что было самым ценным, заодно стараясь вытащить себя из растерянности и слабости. Но сегодня вдруг понял, что ощущение пустоты внутри никуда не делось.

Решил двинуть на улицу, проветрить голову. Уселся в прихожей на низкую лавку под зеркалом и стал натягивать любимые сапоги, которые купил по случаю в Швейцарии и берег уже лет шесть или семь — больше таких удобных нигде не попадалось.

Кряхтя из-за выросшего за последний год дурацкого живота, с трудом застегнул молнию, накинул мягкое пальтецо, едва достававшее до колен, шею обмотал длинным красным шарфом, а на голову напялил черную круглую шапочку — в телевизионных сериалах в похожих разгуливали всякие киллеры и братки. На крыльце свистнул Фекле, даме антрацитового цвета и очень серьезного характера. Она единственного его боялась и обожала как главного вожака своей счастливой собачьей жизни. Глеб Григорьевич был хмур, и собака, осторожно заглядывая ему в глаза, побежала рядом, стараясь ничем не тревожить хозяина. А он и не обратил внимания на ее заботу — как лось, не разбирая дороги, стал ломиться в глубину леса, словно пытался найти там то, что могло его утешить или хотя бы успокоить.

* * *

Раньше его звали просто Глебом, а бабушка, пока была жива, только Хлебушком и кликала, да еще и с характерным крестьянским горловым звуком в начале прозвища. В жизнь он выпал из семьи, совсем ничем не выделявшейся среди других семей советских обывателей: квартира-распашонка в блочной хрущевке первых лет постройки, на окраине города, жизнь впритирку с зарплатой отца в сто пятьдесят рэ в месяц, плюс военная пенсия, выезды на летнюю дачу, в леса под Кингисеппом, где заготавливались десятки килограммов соленых и маринованных грибов и овощей, а еще и всякого варенья, чтобы кормить всю зиму семь ртов, овчарку ростом с жеребенка и толстого сибирского кота.

Денег в доме не водилось хронически, и потому не хватало нужной одежды, нужной мебели и вообще